

ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ,
КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ ДИАГНОЗА

Пока я могу идти

НИКИТА МАЛЮТИН

Автор

Никита Малютин

Пока я могу идти

<https://litres.ru/74222624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о любви, надежде и силе духа.

Максиму двадцать пять. После диагноза — рассеянный склероз — его жизнь меняется: он теряет привычную свободу, учится жить с болью и бороться за каждый шаг.

Встреча с Евой, молодой художницей, становится началом истории о чувствах, которые проходят через страх, сомнения и испытания болезнью.

Это книга о мужестве, принятии и надежде, которая не исчезает даже тогда, когда идти становится трудно.

Содержание

Глава 1 День, который начался как всегда	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пока я могу идти

Глава 1 День, который начался как всегда

Максим Воронов ненавидел утро.

Не потому, что любил спать. И не потому, что был ленивым. Просто каждое новое пробуждение начиналось с одного и того же вопроса:

"Сегодня ноги будут слушаться?"

Он открыл глаза, некоторое время смотрел в белый потолок своей квартиры и не двигался. За окном моросил мелкий октябрьский дождь. Серое небо словно специально отражало его настроение.

Максим медленно перевернулся на бок.

Пальцы правой ноги едва заметно шевельнулись.

— Уже неплохо... — тихо сказал он самому себе.

Когда-то он вскакивал с кровати за секунду. Мог пробежать десять километров без остановки, играть в футбол до поздней ночи и не чувствовать усталости.

Теперь же путь от кровати до кухни иногда казался длиннее, чем весь его прежний маршрут до университета.

Он сел на край кровати и потянулся к трости, прислонённой к тумбочке. Деревянная рукоятка была тёплой — словно

единственная вещь в комнате, которая помнила его руку.

Максим поднялся не сразу. Левая нога отозвалась тупой тяжестью, будто была чужой. Он подождал несколько секунд, пока тело поймёт, что от него хотят, и только потом сделал первый шаг.

Один.

Второй.

Третий.

Трость тихо стукнула о ламинат.

Этот звук он слышал десятки раз в день. Иногда ему казалось, что соседи снизу могут определить по ритму ударов, насколько удачным выдалось утро.

На кухне пахло вчерашним чаем. Максим включил чайник, опёрся о столешницу и закрыл глаза. Слабость накатывала волнами — не та обычная усталость, которую можно прогнать кофе, а глубокое, вязкое истощение, знакомое каждому человеку с рассеянным склерозом.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось: «Мама».

Он ответил не сразу.

— Привет, мам.

— Максим, ты уже встал?

— Да.

— Как ноги?

Он усмехнулся. Этот вопрос звучал каждое утро.

— Сегодня терпимо.

Мать помолчала несколько секунд.

— Ты не забыл, что завтра приём у невролога?

— Не забыл.

— И, пожалуйста, не отменяй реабилитацию. Ты в прошлый раз сказал, что не пойдёшь.

Максим отвернулся к окну.

— Мам, я устал от этих центров. От упражнений, от врачей, от людей, которые смотрят на меня так, будто я уже проиграл.

— Ты не проиграл, — твёрдо сказала она.

Он не ответил.

После разговора кухня снова погрузилась в тишину. Чайник щёлкнул, выпуская струйку пара.

Максим налил чай и сел у окна. На стекле медленно ползли дождевые капли.

Два года назад всё было иначе.

Тогда ему было двадцать один. Он учился на программиста, подрабатывал, строил планы. Сначала появилась странная усталость. Потом он начал спотыкаться на ровном месте. Однажды на лекции у него внезапно онемела правая рука.

Через несколько месяцев обследований врач произнёс слова, которые Максим сначала даже не понял:

— Рассеянный склероз.

Он ожидал чего угодно — защемления нерва, последствий стресса, нехватки витаминов. Но не болезни, о которой раньше слышал только вскользь.

Тогда ему казалось, что жизнь разделилась на две части: до и после.

После диагноза исчезла девушка, с которой он встречался почти год. Сначала она говорила, что всё будет хорошо, потом стала реже отвечать на сообщения, а однажды просто написала: «Я не готова к такой жизни».

Некоторые друзья тоже растворились.

Остались родители и несколько человек, которые действительно не ушли.

Максим сделал глоток остывающего чая и посмотрел на трость, лежащую рядом со стулом.

Он ненавидел её.

Ненавидел за то, что она нужна.

Ненавидел за взгляды прохожих.

Ненавидел за то, что без неё мог упасть.

Но больше всего он ненавидел то, что постепенно начал воспринимать её как часть себя.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение пришло от его единственного близкого друга, Сергея:

«Сегодня вечером кино? Я заеду.»

Максим посмотрел на экран и долго не отвечал.

Ему не хотелось никуда идти. Не хотелось объяснять, почему он идёт медленно, почему ему нужно отдыхать после пары кварталов, почему он иногда теряет равновесие.

Но ещё больше не хотелось снова провести вечер в четы-

рёх стенах.

Он набрал короткое:

«Давай. После шести.»

И только отправив сообщение, понял, что впервые за несколько дней у него появился хоть какой-то план.

Он допил чай, взял трость и направился к двери.

Сегодня ему нужно было всего лишь выйти в магазин за продуктами.

Обычное дело.

Когда-то.

Теперь — маленькое испытание, которое могло закончиться либо спокойной прогулкой, либо падением посреди улицы.

Максим открыл дверь подъезда. Холодный воздух ударил в лицо, пахло мокрым асфальтом и дождём.

Он сделал шаг вперёд, крепче сжал рукоять трости и ещё не знал, что именно этот день приведёт его к встрече, которая изменит всю его жизнь.

Максим медленно спустился по ступенькам подъезда. Перила были мокрыми от дождя, и он машинально проверил, насколько уверенно стоит левая нога. Сегодня она дрожала меньше обычного.

Во дворе было почти пусто. Несколько машин стояли под деревьями, листья липли к асфальту. Где-то вдалеке лаяла собака.

Он двинулся к магазину, считая шаги — привычка, по-

завившаяся после первого серьёзного падения.

Двадцать шагов до калитки.

Ещё тридцать — до пешеходного перехода.

Потом можно немного передохнуть у остановки.

Раньше он никогда не замечал, сколько в городе бордюров, ям и скользких плиток. Теперь каждая из них была потенциальной ловушкой.

На остановке стояли двое подростков. Они замолчали, когда Максим подошёл ближе. Один из них быстро отвёл взгляд, второй посмотрел на трость слишком долго.

Максим сделал вид, что не заметил.

Он давно научился различать взгляды: любопытство, жалость, неловкость, иногда раздражение. Люди не знали, как вести себя рядом с молодым парнем, который ходит как пожилой человек.

Магазин находился всего в трёх кварталах, но к моменту, когда Максим дошёл до него, под курткой выступил пот. Он остановился у входа, переводя дыхание.

— Всё нормально? — спросила пожилая женщина, выходящая из магазина.

— Да, спасибо.

Он ненавидел этот вопрос почти так же сильно, как вопрос о ногах.

Внутри было тепло и пахло свежим хлебом. Максим взял корзину и медленно пошёл между рядами. Хлеб, молоко, чай, макароны — обычный набор человека, который живёт

один и не любит тратить силы на готовку.

У холодильника с молочными продуктами он потянулся за пакетом молока, но в этот момент левая нога неожиданно подогнулась.

Корзина выскользнула из руки.

Пакет молока упал на пол.

Максим успел схватиться за полку и не рухнул окончательно, но резкая боль прострелила бедро.

Несколько человек обернулись.

— Молодой человек! — к нему уже спешила продавщица.

— Вы не ушиблись?

— Нет... — выдохнул он, хотя это было неправдой.

Он попытался выпрямиться, но тело предательски дрожало.

И тут рядом прозвучал спокойный женский голос:

— Давайте я помогу.

Максим поднял глаза.

Перед ним стояла девушка в тёмно-зелёном пальто. Из-под капюшона выбивались светлые пряди волос, а в руках она держала альбом для рисования, прижатый к груди, будто только что вышла из художественной студии.

Она не смотрела на него с жалостью.

Не суежилась.

Просто протянула руку.

— Я могу поднять корзину, а вы опирайтесь на полку, — сказала она так, словно это было самое обычное дело в мире.

Максим колебался всего секунду.

— Спасибо.

Девушка быстро собрала рассыпавшиеся продукты и поставила корзину рядом.

— Голова не кружится?

— Немного.

— Тогда лучше посидеть минуту.

Она указала на небольшую скамейку у выхода. Максим медленно дошёл до неё, чувствуя, как горят щёки от унижения.

Девушка села рядом, оставив между ними небольшое расстояние.

— Меня зовут Ева, — сказала она первой.

Максим посмотрел на неё внимательнее. Серые глаза, тонкие пальцы, испачканные краской, и удивительно спокойное выражение лица.

— Максим.

— Часто так бывает?

Он хотел ответить резко, но в её голосе не было ни любопытства, ни жалости.

— Иногда. У меня рассеянный склероз.

Ева кивнула, будто слышала не диагноз, а просто важную информацию о человеке.

— Понятно.

И больше ничего не спросила.

Это удивило его сильнее, чем само падение.

Большинство людей начинали задавать вопросы: «А это лечится?», «А ты выздоровеешь?», «А почему такая болезнь в молодом возрасте?»

Ева просто сидела рядом и ждала, пока ему станет легче.

Через пару минут дрожь в ногах уменьшилась.

— Уже лучше, — сказал Максим.

— Хорошо. Я провожу вас до кассы?

— Не обязательно.

— Я всё равно туда иду.

Он невольно улыбнулся.

Они медленно подошли к кассе. Ева положила на ленту несколько тюбиков акриловой краски и пачку кистей.

— Вы художница? — спросил Максим.

— Пытаюсь ею быть.

— Получается?

Она усмехнулась.

— Зависит от того, кого спросить.

Когда покупки были оплачены, они вышли на улицу. Дождь почти закончился.

— Вам далеко? — спросила Ева.

— Пару кварталов.

— Мне в ту же сторону.

Они пошли рядом. Максим старался не думать о том, как медленно идёт. Обычно рядом с другими людьми он чувствовал себя обузой, но Ева не подстраивалась нарочито и не торопила его. Она просто шла в его темпе.

У перекрёстка она остановилась.

— Мне сюда.

— Спасибо за помощь, — сказал Максим.

— Не за что.

Она уже собиралась уйти, но вдруг обернулась:

— Кстати, в субботу я провожу бесплатный мастер-класс по рисунку в реабилитационном центре на улице Лесной. Если захотите — приходите.

Максим автоматически хотел отказаться.

Но слова застряли в горле.

— Я подумаю.

— Этого достаточно, — улыбнулась Ева.

Она ушла, а Максим ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

Потом медленно направился домой, неожиданно поймав себя на мысли, что впервые за долгое время ему действительно хочется дождаться субботы.

лава 2. Мастерская на улице Лесной

Всю неделю Максим убеждал себя, что не пойдёт.

Каждый вечер он находил новую причину: слишком устал, будет много людей, это всё равно не его, он не умеет рисовать. Но в субботу утром, когда он проснулся, первой мыслью была не боль в ногах, а серые глаза девушки из магазина.

Он посмотрел на часы — без четверти десять. Мастер-класс начинался в одиннадцать.

— Чёрт... — тихо сказал он и сел на кровати.

Трость стояла у тумбочки, как всегда. Он взял её и несколько секунд просто держал в руках, вспоминая Еву. Она не спросила, почему он ходит с тростью. Не стала утешать. Не сказала: «Ты такой сильный» — фразу, от которой его уже тошнило.

Она просто помогла.

И почему-то именно это не выходило у него из головы.

К десяти тридцати Максим уже стоял у зеркала в прихожей. Тёмные джинсы, чёрная толстовка, короткая стрижка — обычный вид, если не считать трости.

— Иду на мастер-класс по рисованию, — пробормотал он своему отражению. — Звучит как начало плохой шутки.

Но он всё-таки вышел из квартиры.

Улица Лесная находилась в другом районе. Автобус был почти пустой, и Максим сел у окна. Дорога заняла около двадцати минут. Когда он вышел на нужной остановке, перед ним оказалось невысокое светлое здание с табличкой:

«Городской центр реабилитации и поддержки»

Он остановился у входа.

Сердце билось слишком быстро.

Максим ненавидел такие места. Здесь всегда пахло лекарствами и надеждой — той самой надеждой, которую люди цепляли на себя, как больничный халат, даже когда внутри уже почти не верили.

Он уже собирался развернуться, когда дверь открылась.
— Максим?

Ева стояла на пороге в свободном сером свитере и джинсах. Волосы были собраны в небрежный хвост, а на щеке виднелось маленькое пятно синей краски.

— Я думала, вы не придёте.

— Я тоже так думал.

Она улыбнулась и отступила в сторону.

— Тогда тем более заходите.

Внутри действительно пахло лекарствами, но ещё — кофе и чем-то сладким. Из соседней комнаты доносились голоса.

— Бояться уже поздно, да? — попытался пошутить Максим.

— Абсолютно, — серьёзно кивнула Ева. — Я уже приготовила для вас кисти.

Они прошли по коридору в просторную комнату с большими окнами. За длинными столами сидели люди разного возраста: мужчина на инвалидной коляске, пожилая женщина, девушка с тремором рук, подросток с наушниками на шее.

Никто не смотрел на Максима как на чужого.

Это было неожиданно.

— Ребята, это Максим, — сказала Ева. — Он сегодня с нами впервые.

— Добро пожаловать, — отозвался мужчина в коляске. — Не переживай, рисуем мы все одинаково плохо.

Несколько человек засмеялись.

Максим почувствовал, как напряжение немного отпуска-

ет.

Ева посадила его ближе к окну и положила перед ним лист плотной бумаги.

— Сегодня будем рисовать городской пейзаж. Ничего сложного.

— Вы явно переоцениваете мои способности.

— А вы явно недооцениваете свои.

Она раздала материалы и начала объяснять основы композиции. Максим слушал вполуха, больше наблюдая за ней. Ева двигалась легко и уверенно, но без той нарочитой бодрости, которой иногда грешат волонтёры. Она говорила с каждым так, будто перед ней не пациенты, а просто люди, пришедшие порисовать.

Максим взял карандаш.

Рука сначала дрожала, линии выходили неровными. Он уже хотел скомкать лист, когда Ева остановилась рядом.

— Можно посмотреть?

— Лучше не надо.

— Тогда я всё равно посмотрю.

Она наклонилась над рисунком.

— У вас хорошее чувство перспективы.

— Это просто кривые линии.

— Кривые линии — ещё не плохой рисунок.

Она взяла карандаш и легко провела пару направляющих.

— Видите? Здесь просто не хватало опоры.

Максим посмотрел на лист. Несколько штрихов действи-

тельно сделали рисунок понятнее.

— Вы так говорите, будто это что-то серьёзное.

— Для человека, который утверждает, что не умеет рисовать, вы слишком быстро схватываете.

Он невольно усмехнулся.

— Осторожнее, а то я поверю.

— И это будет ужасно? — спросила она, приподняв бровь.

Максим хотел ответить, но в этот момент в комнате раздался смех. Мужчина в коляске поднял лист с абсолютно хаотичными мазками.

— Я назвал это «Современное искусство». Кто купит за миллион?

— Только если миллион будет в копейках, — отозвалась пожилая женщина.

Атмосфера была такой обычной, что Максим поймал себя на странном ощущении: он уже почти час не думал о боли.

Это случалось редко.

Когда мастер-класс закончился, участники начали расходиться. Ева помогала собирать кисти и банки с водой. Максим медленно складывал свои вещи, не зная, стоит ли уходить сразу.

— Подождёте пару минут? — спросила Ева. — Я только уберу материалы.

Он кивнул.

Через несколько минут они вышли на улицу. Небо прояс-

нилось, и после дождливой недели впервые выглянуло солнце.

— Ну как? — спросила она.

— Честно?

— Только честно.

— Я ожидал, что будет намного хуже.

— Это почти комплимент.

— Для меня — да.

Они медленно пошли вдоль аллеи. Максим заметил, что не чувствует привычной неловкости. Разговор не требовал усилий.

— Почему вы вообще этим занимаетесь? — спросил он.

— Мастер-классы, центр...

Ева некоторое время молчала.

— Моя младшая сестра долго проходила реабилитацию после аварии, — сказала она наконец. — Я проводила здесь много времени и однажды просто предложила порисовать с ребятами. Так и осталось.

— С ней всё в порядке?

— Сейчас — да.

Она не стала вдаваться в подробности, и Максим не стал расспрашивать.

У выхода из парка Ева остановилась.

— В следующую субботу тоже будет занятие.

— Это приглашение?

— Это констатация факта. А придёте вы или нет — уже

ваше решение.

Максим посмотрел на неё и вдруг понял, что ему не хочется, чтобы этот разговор заканчивался.

— Я приду, — сказал он раньше, чем успел передумать.

Ева улыбнулась — не широко, а так, будто эта новость действительно её обрадовала.

— Тогда до следующей субботы, Максим.

Он смотрел, как она уходит по аллее, и впервые за два года почувствовал не просто интерес к человеку.

А осторожную, почти пугающую надежду.

Глава 3. Человек с тростью

Следующая неделя тянулась медленно.

Максим несколько раз ловил себя на том, что смотрит на календарь. Суббота казалась слишком далёкой, и это раздражало его почти так же сильно, как радовало.

В понедельник он поехал на приём к неврологу.

Клиника встретила его привычным запахом антисептика и тихими голосами в коридоре. Доктор Соколов наблюдал Максима с самого диагноза — высокий мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами человека, который слишком часто вынужден сообщать плохие новости.

— Как самочувствие? — спросил он, просматривая результаты анализов.

— Бывает лучше.

— А бывает хуже?

Максим усмехнулся.

— Это был бы слишком длинный ответ.

Врач отложил бумаги.

— Усталость усилилась?

— Да.

— Падения были?

Максим вспомнил магазин.

— Одно.

— С травмой?

— Нет, обошлось.

Соколов кивнул, но в его взгляде мелькнуло беспокойство.

— Максим, вам нужно серьёзнее относиться к реабилитации. Мышцы начинают слабеть быстрее, чем хотелось бы.

— Я хожу на занятия.

— На все?

— Не на все.

Врач вздохнул.

— Я понимаю, что вы устали. Но сейчас мы говорим не о полном выздоровлении, а о том, чтобы как можно дольше сохранить самостоятельность.

Слова прозвучали спокойно, без драматизма. И именно поэтому они ударили сильнее.

"Сохранить самостоятельность."

Не вернуть прежнюю жизнь.

Не победить болезнь.

Просто сохранить то, что ещё осталось.

После приёма Максим вышел на улицу и долго стоял у клиники, опираясь на трость. Люди спешили мимо, не замечая его. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то смеялся, кто-то ругался из-за пробки.

Обычная жизнь.

Иногда ему казалось, что он смотрит на неё через стекло. Вечером приехал Сергей.

— Ну что, профессор, готов к культурному отдыху? — он поставил на стол пакет с пиццей.

Сергей был единственным человеком, рядом с которым Максим не чувствовал необходимости притворяться. Они дружили ещё со школы, и даже после диагноза Сергей продолжал вести себя так, будто ничего принципиально не изменилось.

— Если под культурным отдыхом ты понимаешь фильм с рейтингом 4,7, то да.

— Неправда, у него 5,1.

Они рассмеялись.

Пока Сергей включал фильм, он вдруг спросил:

— Ты какой-то странный последние дни.

— В каком смысле?

— В хорошем. Меньше похож на человека, который собирается закопаться в квартире до весны.

Максим сделал вид, что сосредоточен на коробке с пиццей.

— Просто настроение нормальное.

— Ага. И это совершенно точно не связано с какой-нибудь девушкой.

Максим поднял взгляд.

— Откуда ты...

— Максим, ты впервые за полгода добровольно поехал в реабилитационный центр. Это уже улика.

Он хотел отмахнуться, но понял, что улыбается.

— Её зовут Ева.

Сергей театрально схватился за сердце.

— Наконец-то! Я уже думал, ты решил стать монахом.

— Мы просто познакомились.

— Конечно. И поэтому ты сейчас смотришь в стену с таким лицом, будто пишешь ей стихи.

Максим бросил в него салфеткой.

— Иди к чёрту.

Сергей засмеялся, но потом стал серьёзнее.

— Слушай... только не закрывайся снова, ладно?

Максим молчал.

— Я знаю, что после Кати тебе тяжело доверять людям,
— продолжил Сергей. — Но не все уходят, когда становится сложно.

Эти слова задели старую рану.

Катя.

Он редко вспоминал её вслух, но память всё равно возвращала тот вечер, когда она сидела напротив него в кафе и говорила, не поднимая глаз:

"Я не смогу смотреть, как тебе становится хуже."

Тогда он ещё почти не пользовался тростью. Болезнь только начинала менять его жизнь.

— Я не собираюсь строить планы, — тихо сказал Максим.

— Никто не просит строить планы. Просто не убегай заранее.

В субботу Максим пришёл в центр раньше начала занятия.

Ева уже была там. Она расставляла банки с водой и, заметив его, улыбнулась:

— Я начинаю думать, что вам здесь понравилось.

— Не делайте поспешных выводов.

— Хорошо. Тогда скажем так: вы выглядите менее несчастным, чем в прошлый раз.

— Это уже прогресс.

На этот раз участников было меньше. После занятия Ева предложила зайти в небольшое кафе через дорогу.

— Угощаю за то, что вы не сбежали после первого мастер-класса.

— А если я сбегу после второго?

— Тогда счёт оплатите вы.

Кафе оказалось почти пустым. Они сели у окна, и Максим впервые заметил, как легко с ней разговаривать.

Они говорили о книгах, о фильмах, о том, почему Ева любит рисовать старые городские улицы. Она смеялась негромко, но искренне, и этот смех почему-то заставлял его забы-

вать о постоянном напряжении в теле.

Когда официант принёс чай, Ева вдруг спросила:

— Можно задать личный вопрос?

Максим напрягся.

— Попробуйте.

— Вы всегда так стараетесь всё делать самостоятельно?

Он машинально сжал пальцы на трости.

— А что, это плохо?

— Нет. Просто иногда кажется, что вы готовы скорее упасть, чем попросить о помощи.

Он отвёл взгляд к окну.

— Потому что люди быстро привыкают видеть в тебе человека, которому нужна помощь. А потом перестают видеть всё остальное.

Ева некоторое время молчала.

— Я вижу человека, который любит саркастичные шутки, умеет рисовать лучше, чем думает, и слишком много времени проводит в своей голове.

Максим посмотрел на неё.

— И трость вас совсем не смущает?

— Это просто трость, Максим.

Слова были простыми. Но именно простота заставила его замолчать.

Для большинства людей трость становилась первой вещью, которую они замечали.

Для Евы — нет.

И в этот момент Максим впервые подумал, что, возможно, рядом с ней он может быть не человеком с рассеянным склерозом.

А просто Максимом.

лава 4. Дождь и лестница

После встречи в кафе Максим возвращался домой пешком, хотя до остановки было ближе.

Он шёл медленно, прислушиваясь к себе. Ноги устали после двух часов в центре, левая ступня начала слегка неметь, но внутри было непривычно спокойно.

Телефон завибрировал.

Ева: «Вы добрались?»

Максим остановился посреди тротуара и несколько секунд смотрел на экран.

Максим: «Да. И нет, я не упал по дороге.»

Ответ пришёл почти сразу.

Ева: «Жаль. Я уже готовилась к героическому спасению.»

Он усмехнулся и впервые за долгое время поймал себя на том, что переписывается с девушкой без внутреннего напряжения.

Следующие недели стали складываться в новую привычку.

Субботние мастер-классы.

Чай после занятий.

Сообщения по вечерам.

Иногда Ева присылала фотографии своих рисунков: мок-

рые улицы, старые фонари, крыши домов на закате. Максим отвечал коротко, но каждый раз рассматривал их дольше, чем хотел бы признать.

Однажды она прислала фотографию пустой скамейки в парке.

Ева: «Как думаете, чего здесь не хватает?»

Максим: «Человека с тростью?»

Через минуту пришёл ответ:

Ева: «Правильный ответ: второго стакана кофе.»

Он улыбался экрану, как идиот, и это одновременно радовало и пугало.

В середине ноября погода резко испортилась. Дождь лил почти без перерыва, тротуары стали скользкими.

В тот вечер Максим задержался в аптеке. Когда он вышел на улицу, уже стемнело. До дома оставалось всего несколько минут, но мокрая плитка под ногами казалась опасной.

Он сделал несколько осторожных шагов.

Трость скользнула.

Максим успел перенести вес на правую ногу, но равновесие всё равно ушло. Он резко схватился за перила лестницы у подъезда, и в ту же секунду левая нога перестала держать.

Боль ударила в колено.

Он опустился на ступеньку, тяжело дыша.

"Только не сейчас..."

Телефон в кармане завибрировал. Ева.

— Привет, — ответил он, стараясь говорить ровно.

— Вы дома?

— Почти.

Она сразу уловила что-то в его голосе.

— Максим, что случилось?

— Ничего серьёзного. Немного неудачно наступил.

— Где вы?

Он хотел сказать: «Всё нормально, я сам».

Но посмотрел на мокрые ступени, на дрожащие руки и впервые за долгое время позволил себе честность.

— У подъезда. Не могу нормально встать.

— Я рядом, — сказала Ева. — Не двигайтесь, я сейчас приду.

Связь оборвалась.

Максим закрыл глаза. Ему было стыдно — за беспомощность, за то, что пришлось признаться, за то, что кто-то увидит его таким.

Через несколько минут он услышал быстрые шаги.

— Максим!

Ева подбежала к лестнице, промокая под дождём, без зонта.

— Посмотрите на меня. Головой не ударились?

— Нет.

— Колено?

— Да.

Она присела рядом, не обращая внимания на мокрые ступени.

— Попробуйте осторожно согнуть ногу.

Максим поморщился, но смог пошевелить коленом.

— Похоже, не вывих, — сказала она с облегчением. —
Давайте я помогу подняться.

— Я сам.

Он попытался встать и тут же пошатнулся.

Ева молча подставила плечо.

— Максим.

В её голосе не было жалости. Только спокойная настойчивость.

Он тяжело выдохнул и всё-таки опёрся на неё.

Подъём на третий этаж занял вечность. Каждый шаг отдавался болью, а Максим всё сильнее злился на себя.

Когда они наконец вошли в квартиру, он сразу сел на стул в прихожей.

— Простите, — тихо сказал он.

— За что?

— За всё это.

Ева сняла мокрое пальто и посмотрела на него так, будто он сказал что-то совершенно нелепое.

— Вы извиняетесь за то, что вам нужна помощь после падения?

— Я не люблю быть проблемой.

Она подошла ближе.

— А кто сказал, что вы проблема?

Максим отвёл взгляд.

Ева принесла лёд из морозилки, аккуратно приложила к колену и только потом села напротив.

В квартире было тихо. С улицы доносился шум дождя.

— Можно я скажу вам одну вещь? — спросила она.

Он кивнул.

— Вы всё время ведёте себя так, будто должны заслужить право на помощь. Будто если попросите о ней, то станете слабее.

Максим долго молчал.

— Когда болезнь только началась, — наконец сказал он, — я просил всех. Поддержать, подождать, понять. А потом люди начали уставать. И я решил, что проще справляться самому.

Ева слушала, не перебивая.

— Иногда я думаю, что если стану ещё медленнее... ещё хуже... то однажды все просто уйдут.

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

Ева некоторое время смотрела на него, а потом тихо сказала:

— Я не собираюсь уходить из-за того, что вы идёте медленно.

Максим поднял глаза.

В её взгляде не было ни обещаний на всю жизнь, ни красивых фраз. Только спокойная уверенность.

И именно поэтому он ей поверил.

лава 5. Первый снег

На следующее утро колено ныло, но опухоль оказалась небольшой. Максим всё равно решил остаться дома. Ева написала первой:

«Как пациент?»

Он посмотрел на сообщение и усмехнулся.

«Пациент требует компенсацию за моральный ущерб.»

«Компенсация будет в виде кофе. Когда сможете нормально ходить.»

Слово «когда» прозвучало для него неожиданно приятно. Не «если».

Он провёл день на диване с ноутбуком, пытаясь работать удалённо, но мысли постоянно возвращались к вчерашнему вечеру. К тому, как легко Ева вошла в его квартиру, как спокойно помогла подняться по лестнице, как сказала: «Я не собираюсь уходить».

Максим не хотел придавать этим словам слишком большое значение. Он уже однажды поверил человеку, который обещал остаться.

Но внутри всё равно что-то изменилось.

Через три дня выпал первый снег.

Крупные хлопья медленно кружились в свете фонарей, и город вдруг стал тише. Максим стоял у окна с кружкой чая, когда телефон снова завибрировал.

Ева: «Вы видели снег?»

Максим: «Я не настолько оторван от цивилизации.»

Ева: «Тогда выходите.»

Он перечитал сообщение дважды.

Максим: «Куда?»

Ева: «Во двор. Я внизу.»

Сердце почему-то забилося быстрее.

Он надел куртку, взял трость и спустился вниз. Ева действительно стояла у подъезда — в тёмной шапке, с красным шарфом и двумя бумажными стаканами в руках.

— Это похищение? — спросил Максим.

— Почти. У меня есть горячий шоколад и преступное намерение заставить вас погулять десять минут.

— Звучит опасно.

Она протянула ему стакан.

— Осторожно, очень горячий.

Они медленно пошли по двору. Снег скрипел под ногами, и Максим автоматически выбирал самые ровные участки дороги.

— Вы всегда так внимательно смотрите под ноги? — спросила Ева.

— С тех пор как асфальт начал пытаться меня убить — да.

Она тихо рассмеялась.

— Знаете, я заметила одну вещь.

— Какую?

— Вы шутите именно тогда, когда вам страшно.

Максим сделал глоток шоколада, выигрывая время.

— Профессиональная деформация.

— А если без шуток?

Он посмотрел на заснеженные деревья.

— Я боюсь потерять то, что ещё могу делать сам. Боюсь проснуться однажды и понять, что больше не могу выйти из квартиры без чужой помощи.

Ева некоторое время молчала.

— Это очень честный страх, — сказала она наконец.

— Обычно люди начинают убеждать меня, что всё будет хорошо.

— А вы сами в это верите?

Максим покачал головой.

— Не всегда.

Они дошли до небольшой площадки у дома. На скамейке лежал тонкий слой снега. Ева стряхнула его рукавом и села.

— Можно я расскажу вам кое-что? — спросила она.

— Конечно.

— После аварии моя сестра полгода не могла ходить. Врачи говорили, что восстановление займёт много времени, и она ужасно злилась, когда ей помогали. Однажды она сказала: «Если я принимаю помощь, значит, я проиграла.»

Ева посмотрела на Максима.

— А потом поняла, что помощь — это не капитуляция. Это просто способ пройти через трудный участок пути.

Максим долго молчал.

— Красиво звучит.

— Это не красивая фраза. Я видела, как она училась заново вставать на ноги. И знаете, что было самым тяжёлым?

Не упражнения. А разрешить себе опереться на кого-то.

Снег продолжал медленно падать. Максим смотрел на белые следы на дорожке и вдруг понял, что впервые говорит о своих страхах вслух без ощущения, будто должен их скрывать.

— Иногда мне кажется, что болезнь украла у меня будущее, — тихо сказал он.

Ева не стала спорить.

— Может быть, она украла ту версию будущего, которую вы себе представляли. Но это не значит, что другого будущего нет.

Он повернулся к ней.

— Вы всегда так говорите, будто всё можно пережить?

— Нет, — честно ответила она. — Просто я знаю, что люди гораздо сильнее, чем думают.

Максим хотел ответить что-то ироничное, но слова не пришли.

Они сидели молча, слушая, как падает снег.

И в этой тишине было удивительно спокойно. Не потому, что проблемы исчезли. Колено всё ещё болело, болезнь никуда не делась, а завтра снова будет усталость и осторожные шаги по лестнице.

Но рядом сидел человек, рядом с которым ему не нужно было делать вид, что всё в порядке.

Когда они поднялись со скамейки, Ева вдруг спросила:

— Можно ещё один личный вопрос?

— Сегодня вечер опасных тем, да?

— Немного.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы когда-нибудь позволяете себе думать, что можете быть кому-то нужны не вопреки болезни, а просто потому, что вы — это вы?

Максим замер.

Ответ не приходил.

Потому что он никогда об этом не думал. Не по-настоящему.

И именно это пугало его больше всего.

Глава 6. Тишина между сообщениями

После того вечера со снегом Максим стал ждать сообщений от Евы так, как раньше ждал результатов анализов — только теперь ожидание приносило не страх, а странное волнение.

Они переписывались почти каждый день. Иногда это были короткие фразы:

Ева: «Как колено?»

Максим: «Живёт своей жизнью, но ходить не мешает.»

Иногда разговор затягивался до поздней ночи: о музыке, детстве, любимых книгах. Максим удивлялся, насколько легко рассказывает ей вещи, которые обычно оставлял при себе.

Но вместе с этим росло и другое чувство — осторожность.

Он слишком хорошо помнил, как начинается привязанность.

В четверг Ева написала:

«У меня завтра небольшая выставка в студии. Приходите?»

Максим несколько минут смотрел на экран.

Выставка означала людей. Незнакомых людей. Шум, вопросы, необходимость стоять дольше, чем ему обычно комфортно.

Пальцы зависли над клавиатурой.

«Я подумаю.»

Ответ пришёл почти сразу:

«Без давления. Просто буду рада вас видеть.»

И именно отсутствие давления заставило его согласиться.

На следующий вечер он стоял перед старым кирпичным зданием художественной студии и уже десятый раз думал, что можно просто развернуться и уйти.

Изнутри доносились голоса и музыка.

Максим крепче сжал трость и всё-таки вошёл.

Помещение оказалось небольшим: белые стены, мягкий свет, картины развешаны вдоль длинного коридора. Людей было человек тридцать, не больше.

Ева заметила его почти сразу.

— Вы пришли, — сказала она, подходя ближе.

— Пока да.

— Значит, шанс ещё есть?

— Не исключено.

Она рассмеялась и повела его к своим работам.

На картинах были городские улицы после дождя: отражения фонарей в лужах, пустые остановки, старые дома с тёплыми окнами.

— Почему почти везде дождь? — спросил Максим.

Ева задумалась.

— Наверное, потому что после дождя город становится честнее. Люди прячутся, улицы пустеют, и остаётся только свет.

Он посмотрел на одну из картин — мокрая аллея и одинокий человек под фонарём.

— Здесь кто-то есть.

— Да.

— Это вы?

Она улыбнулась краешком губ.

— А вы как думаете?

Прежде чем он успел ответить, к ним подошёл высокий парень в светлом пиджаке.

— Ева, тебя ищет организатор, — сказал он, а потом перевёл взгляд на Максима. — Привет.

— Это Максим, — представила Ева. — А это Андрей, мой коллега по студии.

Андрей протянул руку. Максим пожал её, стараясь не обращать внимания на короткий взгляд, который тот бросил на трость.

— Рад познакомиться, — сказал Андрей. — Ева много о вас рассказывала.

Максим почувствовал лёгкий укол неожиданного тепла.

— Надеюсь, только хорошее.

— В основном о том, что вы единственный человек, который спорит с ней о перспективах в рисунке.

Ева закатила глаза.

— Это была научная дискуссия.

Андрей улыбнулся и ушёл, а Максим вдруг поймал себя на странном ощущении ревности.

Оно было нелепым. У Евы могли быть друзья, коллеги, кто угодно. Но мысль о том, что в её жизни есть люди, которые знают её дольше и лучше, неожиданно задела его.

— Всё нормально? — тихо спросила Ева.

— Да. Просто... непривычно здесь.

Она внимательно посмотрела на него.

— Устали?

— Немного.

— Пойдёмте, я покажу вам балкон. Там тише.

Они вышли на небольшой открытый балкон, где почти никого не было. С улицы тянуло холодным воздухом.

Максим опёрся на перила и почувствовал, как напряжение понемногу уходит.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что заметили.

Ева встала рядом.

— Я начинаю понимать, когда вы пытаетесь делать вид,

что всё в порядке.

Он усмехнулся.

— И часто у меня получается?

— Ужасно.

Несколько секунд они молчали.

Потом Ева тихо спросила:

— Можно честно?

— После этого вопроса обычно начинается что-то опасное.

— Возможно.

Она посмотрела на него серьёзно.

— Вы всё время держите дистанцию. Даже когда смеётесь.

Максим отвёл взгляд на огни улицы.

— Это проще.

— Потому что боитесь снова привязаться?

Он не ответил.

И этого оказалось достаточно.

Ева не стала давить. Просто стояла рядом, пока внизу медленно падал снег.

— Я не прошу вас перестать бояться, — сказала она наконец. — Просто не позволяйте страху решать за вас.

Максим почувствовал, как внутри что-то болезненно откликается на эти слова.

Он хотел сказать, что уже поздно, что болезнь всё равно рано или поздно станет слишком тяжёлой ношей для любого человека.

Но вместо этого спросил:

— А если я не умею по-другому?

Ева повернулась к нему.

— Тогда будем учиться. По одному шагу.

Она сказала это совершенно спокойно.

По одному шагу.

Для человека, который каждый день считал свои шаги, эти слова прозвучали неожиданно личными.

И когда они вернулись в зал, Максим впервые поймал себя на мысли, что ему не хочется уходить первым.

Глава 7. Один шаг ближе

После выставки они стали встречаться чаще.

Иногда Ева звала его просто выпить кофе после работы. Иногда они гуляли по набережной, выбирая ровные дорожки, где Максиму было легче идти. Она никогда не предлагала маршрут с крутыми лестницами и никогда не делала из этого отдельного разговора — будто её внимание к его состоянию было таким же естественным, как спросить, не холодно ли человеку.

В одну из таких прогулок они остановились у реки. Вода была тёмной, почти чёрной, а на другом берегу мерцали огни домов.

— Вы заметили, что я всё время выбираю места, где можно сидеть? — спросила Ева.

— Я заметил, что вы слишком наблюдательны.

— Это профессиональная деформация художника.

Максим усмехнулся и осторожно сел на скамейку. Ноги уже начали уставать.

— А вы всегда всё просчитываете? — спросила она.

— В каком смысле?

— Сколько пройти, где отдохнуть, за что можно держаться, если станет хуже.

Он посмотрел на трость.

— Да. Иначе можно оказаться на мокрой лестнице, ожидая спасательную операцию.

Ева улыбнулась, но потом стала серьёзнее.

— Это очень утомительно, да?

Максим долго молчал.

— Иногда я чувствую себя человеком, который постоянно играет в шахматы с собственным телом. И тело знает ходы лучше меня.

Она ничего не ответила, только положила руку рядом с его ладонью на скамейке. Не накрыла, не схватила — просто оставила рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.